

МАРИНА ИНДИВИ
ГАЛИНА МИШАРИНА

Стой, курица!

ИЛИ ГЛЭМПИНГ

«В ГОСТЯХ У СКАЗКИ»

18+

Галина Мишарина
Марина Индивиди
Стой, курица!, или
глэмпинг «В гостях у сказки»

<https://litres.ru/74351188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Изменил жених? Начальница уволила? А если жених изменил с начальницей, которая уволила? Бросай все и уезжай в деревню! Там бабушка, сказочный терем, курицы и бандиты, которые хотят отжать у жителей деревни землю под свои хотелки. А еще — донельзя самоуверенный сосед с роскошной виллы из коттеджного поселка неподалеку.

Что, думаете, не справлюсь? Еще как! Куриц построю, бандитов тоже, мухоморы мне на что? Не сама, так с помощью деревенской ведьмы сдую. И деревенского быка припряжем. А вот сосед... с соседом будет сложнее!

Содержание

Глава 1. Измены и перемены	4
Глава 2. Маньяк по имени Елисей	14
Глава 3. Ложный Валерий	24
Глава 4. Трое из ларца и мухоморная настойка	36
Глава 5. Простые деревенские радости	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стой, курица!, или глэмпинг «В гостях у сказки»

Глава 1. Измены и перемены

Василиса

Нет ничего хорошего в том, что тебя увольняют за неделю до твоего дня рождения. Особенно с работы, которая тебе нравится. Особенно с работы, с которой ты отлично справляешься.

— Могу я поинтересоваться, чем обусловлено ваше решение, Екатерина Евгеньевна?

Хотя можно было не интересоваться. Екатерина Евгеньевна Ягищенко, она же Баба-Яга, как за глаза называли ее в отделе (да и не только в отделе, будем честны, потому что по характеру она была вылитая Баба-Яга, разве что детей в печку не совала), невзлюбила меня с первой минуты. Будучи коммерческим директором, она заведовала отделом продаж, отделом маркетинга и, соответственно, дизайнерским. В котором работала я.

Хорошо работала!

Но, увы, нашего председателя совета директоров звали Евгений Петрович Ягищенко, поэтому решения Екатерины

Евгеньевны не обсуждались. Даже генеральным. Сложно обсуждать решения дочери того, кто платит тебе зарплату.

Хорошую.

Более чем.

Зарплату генерального нам по большому секрету спалила его же секретарь, Леночка. В общем, там было что терять.

— Рационализация расходов, — прокомментировала Ягищенко, глядя на меня сверху вниз при том, что она сидела, а я все еще стояла (сесть мне так и не предложили), — ваш отдел прекрасно справится и без вас, Василиса.

Нет, это не шутка. Меня действительно зовут Василиса, меня назвала бабушка. Потому что мой отец погиб за два дня до моего рождения, а мама — через неделю после. Воспитывали меня бабушка и дед по материнской линии, хорошо, надо сказать, воспитали.

Поэтому сейчас я сдержанно произнесла:

— До этого у вас не было ко мне претензий. Если вас что-то не устраивает, мы можем это обсудить.

Мне нужна была эта работа! И не только потому, что она любимая, я на нее живу. Я оплачиваю работу бабушкиной помощницы по хозяйству в деревне: в город та категорически отказалась ехать даже после того, как умер дед. Мне нельзя терять эту работу! Ни при каких обстоятельствах.

— Нет. Это мое решение, и оно не обсуждается, — Ягищенко уткнулась в экран ноутбука, давая понять, что пути назад нет, — зайдите в конце дня в кадры и в бухгалтерию.

Вам выдадут документы и произведут окончательный расчет.

Я даже рот открыла от таких новостей.

— Но по трудовому законодательству...

Ягищенко снова подняла голову и посмотрела на меня в упор. Взгляд ее водянисто-серых глаз не предвещал ничего хорошего. В целом она была бы достаточно привлекательной женщиной тридцати пяти лет, если бы не вечно жесткое выражение не по-женски холодного лица. Острая линия сжатых в полоску тонких губ, хищные крылья тонкого носа.

— По трудовому законодательству мы вас сокращаем, если вам так будет угодно. Получите компенсацию по закону. Еще вопросы, Василиса?

Я открыла было рот.

Потом закрыла.

«Тебе бы поучиться постоять за себя», — говорила бабушка, но как тут постоишь, когда перед тобой — сама Ягищенко? А ее отец, который председатель, связан с криминальными структурами нашего города, и управы на них никакой нет. Говорят, у них вся полиция и суды в кармане.

— Нет, — процедила я. — Вопросов больше нет.

— Вот и замечательно. Всего доброго.

«Обожаю» людей, которые говорят «всего доброго» с таким выражением лица, с которым обычно желают отправиться в последний путь.

«И вам не хворать», — мысленно ответила я, выходя из

кабинета. Руки сами собой сжались в кулаки, когда я подходила к отделу кадров. Ладно, сегодня же начну рассылать резюме. Может, оно и к лучшему. С тех пор, как у нас с Валерой случился роман (служебный), я постоянно думала о том, как это вписывается в корпоративную этику. Он был против того, чтобы афишировать наши отношения внутри компании, и я вроде была с ним согласна. Потому что любовь любовью, а работа работой.

Так что, во всем надо видеть плюсы, так меня учила бабушка. Теперь нам не нужно будет скрывать наши отношения!

В отделе кадров Людмила, заместитель начальника отдела, сочувственно посмотрела на меня. Оказывается, здесь уже все были в курсе, что меня «того». Попросили. Добровольно-принудительно.

— Выжила все-таки? — сочувственно спросила она.

Я махнула рукой. Никогда не любила сплетни и становиться их причиной тоже не собиралась. Хотя последнее уже не от меня зависит.

Решив все кадровые вопросы, направилась в бухгалтерию, чтобы подписать все необходимые документы и получить расчет. А, закончив здесь, пошла сразу в кабинет к Валере.

Немного помедлила перед тем, как толкнуть дверь, чтобы справиться с желанием пожаловаться на Ягищенко. Это, конечно, нормально, искать защиты и поддержки у любимого мужчины, но ныть я тоже не особо любила, а сейчас не была

уверена, что у меня получится не нытье. Поэтому несколько раз вздохнула, глядя на знакомую табличку «Финансовый директор Валерий Петрович Шульгин», когда вдруг услышала донесшийся из-за двери гортанный женский стон.

Ну что сказать, дверь я все-таки толкнула. И увидела сидящую на столе Ягищенко, между ног которой пристроился мой жених, показывающий свое владение языком. Не иностранным, разумеется, а вполне себе обычным. Русским. Тем, который во рту растет.

— Ты почему дверь не закрыл? — спросила Ягищенко таким тоном, как будто не удовольствие получала, а принимала отчеты за финансовый месяц на совещании.

— Василиса? — спросил Валера.

— Продолжайте, — вежливо пожелала я и закрыла за собой дверь.

Хотя внутри меня творился просто какой-то крошечный ад. Мы с Валерой начали встречаться год назад, этой весной он сделал мне предложение и подарил кольцо, по поводу которого какие только не строили теории у нас в офисе. Кто-то говорил, что я придумала себе загадочного жениха, потому что в двадцать семь пора бы уже быть замужем, и мне стыдно, кто-то предполагал, что он олигарх и не хочет светить лицо, кто-то — что он, напротив, слишком бедный, и это не хочу светить я. Словом, я уже успела наслушаться такого, что материала хватило бы на несколько любовных романов. Я даже содержанкой того самого загадочного олигарха успе-

ла побывать, а кольцо было для отвода глаз, но...

Дело было не в кольце или в олигархах, и вообще ни в чем таком. Я влюбилась в Валеру, я... я действительно его любила, возможно, поэтому сейчас было так невыносимо больно. Пока я бежала по коридорам, стараясь ни в кого не врезаться, а на меня смотрели вслед как на дуру, мне было еще ничего. А вот когда забрала сумку и спустилась вниз, к проходной, а охранник Василий Витальевич пожелал мне:

— Хороших выходных, Василиса!

Из глаз хлынули слезы. Я ненавидела слезы, потому что «слезами горю не поможешь» (с) бабушка, но ничего не могла с собой поделать, они просто лились сплошным потоком. В машине я захлопнула дверь и включила кондиционер на полную, и пару минут сидела, глубоко дыша и пытаюсь прийти в себя.

Я никогда не понимала измен. Не понимала, зачем изменять, если можно сказать просто: «Я встретил другую, так получилось». Или он думал, что я его привяжу к батарее и буду кормить с ложечки, пока он не передумает и не женится на мне? Тьфу!

От злости на себя, от злости на Валеру потемнело перед глазами, причем я не уверена, на кого больше злилась! Как я могла быть настолько слепой? Не замечать... а что я должна была заметить? Он всегда был внимателен и обходителен, и кольцо это еще... Я стянула его и бросила в бардачок. А надо было — в Валеру! Прямо ему в лицо, прямо в том кабине-

те. Эта мысль оказалась настолько острой, что я чуть было не выскочила из машины, чтобы ее реализовать, но вовремя остановилась.

Ну и что я кому этим докажу? Только выставлю себя душой. И Ягищенко порадуя: теперь все сложилось, и становилось понятно, за что и почему меня уволили. Чтобы не мешала им развлекаться. Интересно, как Валера себе это вообще представлял? Что женится на мне, а с ней у него будет служебный роман?

Глубоко вздохнув, я завела машину, и маленький желтый жучок, чихнув, радостно заурчал. Конечно, его бы стоило отогнать в сервис, но времени не было. Я задерживалась на работе допоздна, а выходные мы проводили с Валерой.

Ну вот, опять.

Я сглотнула злые слезы и вдавила педаль в пол. Все, больше ни одной мысли об этом предателе!

Легко сказать, сделать сложнее. Дома все напоминало о нем. Вот на этом диване мы целовались. Вот на этой кухне он кормил меня первой клубникой и измазал меня во взбитых сливках, а потом...

— Суп с котом! — зло рыкнула я и включила ноутбук.

Попыталась отвлечься заказом, который взяла дополнительно из-за свадьбы, которую мы планировали в сентябре, уже даже подали заявление. Все-таки на свадебное платье, обувь и прочее были нужны деньги, и немаленькие, и, хотя свадебное платье мне теперь уже было не нужно, я все равно

решила поработать. Увы, у меня просто все валилось из рук. Такое ощущение, что со мной отказывались работать даже слои и кривые, в итоге, когда я встала из-за стола, разминая затекшую спину и шею, проект остался на том месте, на котором я его застала днем, а на часах было девять вечера. Есть совершенно не хотелось, но еще меньше хотелось оставаться в этой квартире.

Холодной, пустой, напоминающей мне о моем одиночестве. Если бы не случилось всего того, что случилось, я бы с нетерпением ждала субботы. Мы могли бы пойти гулять в парк, стоптали бы себе все ноги, покормили уток. Потом посидели бы где-нибудь и еще прошлись, или вернулись ко мне и вместе посмотрели какую-нибудь комедию.

Все!

Я решительно направилась в спальню, собрала сумку. Взяла только самое необходимое, что нужно в деревне на выходные, по минимуму. После чего схватила ключи и вышла из квартиры. Перемена обстановки — лучшее, что я могу себе устроить в таких обстоятельствах. Побуду у бабушки на выходных, в тереме, который построил дед (так он называл дом, и он действительно напоминал терем, нежели чем обычный домик), сами стены лечебные.

Каждый раз, когда мне становилось плохо или я заболела, бабушка мне об этом напоминала.

— Конечно, лечебные, а как же иначе, — улыбалась она, и от уголков ее глаз, как солнечные лучики, бежали морщин-

ки. — Наш дед-то настоящий волшебник.

Вот только до волшебства еще надо было добраться, а выехать из города быстро не получилось. Все ехали на шашлыки или еще куда-то, но, простояв в пробке полтора часа, я все-таки вырвалась на трассу. Как назло, начала собираться гроза. Летние дожди — они такие, только что ничего не предвещало, и вот... Хлынуло стеной.

Мне пришлось существенно сбросить скорость, дворники уже не справлялись, а потом мой «жучок» начал скрипеть, визжать и заглох!

Нет! Нет-нет-нет, только не это!

На дороге, кроме меня и грозы, не было больше никого — сама дорога была достаточно разбитая, зато короткая. Я просто решила срезать, оставив позади новую трассу, по которой ехать на полчаса дольше, ну и... срезала. Я схватила телефон и мысленно застонала: то ли из-за грозы, то ли просто здесь не было связи. Эвакуатор не вызовешь, техпомощь тоже.

Придется самой смотреть, может, мне повезет, и там просто какой-то проводок отошел?

Выскочив под затихающий дождь, я изо всей силы обо что-то ударилась пальцем ноги. Боль была такая, что искры из глаз посыпались, и я запрыгала на одной ноге, стараясь не озвучить все то непечатное, что сейчас пришло мне в голову. Опустив глаза, обнаружила лежащий там булыжник размером с кулак. С мой кулак.

Ну замечательно! Просто отпад.

В тот момент, когда я об этом подумала, мимо меня на полной скорости пронесся внедорожник, окатив водой и грязью с головы до ног. В тот момент, когда я кидала в эту машину булыжник, я вообще ни о чем не думала, и уж тем более о том, что попаду!

Звяк!

Я попала в стекло. В заднее.

Внедорожник остановился и стал сдавать назад. Быстро-быстро. Потом открылась дверь, и оттуда шагнул бугай два на два. В темноте его лица видно не было, но мне хватило фантазии, чтобы представить, что сейчас со мной сделают, и...

Я побежала. В духе блондинок из фильмов ужасов, прямо по скользкой дороге.

— Стой, курица! — донеслось сзади, но я, разумеется, припустила еще быстрее. И, разумеется, поскользнулась.

Пока я летела по небольшой горке вниз, к лесочку, у меня перед глазами промелькнула вся жизнь. Потом я ударилась обо что-то головой и потеряла сознание.

Глава 2. Маньяк по имени Елисей

Приснится же такое... я открыла глаза и поняла, что ничего мне не приснилось, потому что я находилась в совершенно незнакомой комнате! Настолько темной, что хоть выколи глаз. А еще я лежала в кровати! Раздетая! В одних трусиках! Под тонкой простынкой, и не замерзла я только потому, что сверху этой простынки лежало покрывало. Теплое, достаточно теплое для того, чтобы не позволить мне превратиться от кондиционера в сосульку.

Меня похитил маньяк!

Тот самый, в машину которого я кинула камень. Конечно, это маньяк, кто еще кроме меня и маньяка поедет поздно вечером по такой дороге? Похитил, раздел, и...

Я дотянулась, щелкнула нащупанным в панике выключателем и обнаружила, что лежу на огромнейшей, просто невероятно большой кровати. Комната оказалась просторной, настолько огромной, что в ней могла уместиться вся моя съемная квартира. При всем при этом в ней было минимум мебели, дизайнерский ремонт, а еще огромные панорамные окна, которые запечатали современные механические жалюзи с электроприводом, не пропускающие даже малейший лучик света.

Пульт оказался рядом со мной, на тумбочке, но я не стала его брать, подскочила и поняла, что моей одежды в пределах

достигаемости нет. Оглядев себя, я выяснила, что со мной все в порядке, по крайней мере, на мою честь никто не посягал. Да и странных ощущений в теле тоже не было.

Странный какой-то маньяк.

Я обнаружила дверь, за которой оказалась ванная, к моему счастью, совмещенная с санузлом. Убегать от маньяка, даже если он не совсем маньяк, с полным мочевым пузырем — так еще задачка! Там же нашелся халат, который я надела и в таком виде вернулась в комнату. Бежать лучше через окно. Однозначно!

Открыв жалюзи, я повернула ручку, и окно легко поехало в сторону, открывая невероятный вид на лес и озеро. Запах, этот летний запах природы, который ни с чем не сравнить, утренняя свежесть, от него сразу закружилась голова, но я не позволила себе расслабиться. Выбежала на балкон, посмотрела вниз. Мне повезло: именно под моим балконом оказались густая, по пояс, трава и цветы. В детстве я лазила по деревьям и прыгала с них не хуже деревенских мальчишек, так что, дай бог, ничего себе не сломаю и сейчас. Я занесла ногу, чтобы перелезть стеклянное ограждение, и...

— Ты что делаешь?

Маньяк явился ко мне собственной персоной. Правда, выглядел он как-то не совсем маньячно: при свете дня он уже не казался шкафом на ножках, это был высокий, гармонично и пропорционально сложенный крупный мужчина. Брюнет с волевым лицом, на котором выделялись большие карие,

глубоко посаженные глаза и густые брови. Широкие плечи и хорошо так проработанные в зале бицепсы, выделяющиеся даже под рубашкой-поло, подтянутая фигура, узкие бедра. Определенного шарма добавляла и легкая небритость, делающая мужчину более brutальным. В общем, если бы не ситуация, я бы назвала его красивым.

Но ситуация не располагала.

— Сбегаю, — брякнула я.

— А почему через балкон?

— Так там ты.

— Логично. Но у меня все равно остались твои права и тарантайка, которую притащил эвакуатор, так что избежать ремонта заднего стекла у тебя все равно не получится.

Что?

Я моргнула на него, а он кивнул:

— Залезай обратно. Пойдем завтракать.

Я моргнула еще раз.

— Что? — идиотский вопрос.

— Что?

— Ты меня похитил, чтобы я оплатила ремонт твоей колымаги?

Так крупногабаритные иномарки называла бабушка, вот и в моей лексикон затесалось.

— Во-первых, я тебя не похитил, ты свалилась в кювет и приложила головой. Во-вторых, как тебя зовут?

— Василиса, — на автопилоте брякнула я. Хотя вооб-

ще-то не собиравалась с ним знакомиться.

— Елисей.

— Очень смешно.

По поводу моего имени очень часто любили прикалываться в стиле, что я вылезла из сказки, и все в таком ключе. Особенно в школе, но некоторые и в более взрослом возрасте.

— Я не смеюсь, меня зовут Елисей.

— Серьезно?!

— Тебе паспорт показать?

Да уж.

Я все-таки залезла обратно, потому что, признаться честно, из нас двоих более неадекватной сейчас выглядела я. Возможно, даже напоминала маньячку. Но это не точно.

— Ванная там, — он кивнул, — хотя судя по халату, ты ее уже нашла. Приводи себя в порядок и приходи завтракать. И кстати, прыгать со второго этажа так себе идея, если ты не Том Круз.

Он вышел и закрыл за собой дверь, а я вернулась в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Основательно, а не как в прошлый раз, на бегу мимоходом. Да уж... приводить в порядок там однозначно было что.

Из волос торчали веточки, кое-где застыла скомкавшаяся грязь. Эта же грязь застыла и на правой щеке, из-за чего я благодаря своему темно-зеленому цвету глаз напоминала болотную ведьму из сказок. Сразу становилось понятно, что маньяк... тьфу, Елисей, купать меня не стал, просто раздел,

чтобы не класть на постель в мокрой и грязной одежде. И на том спасибо, потому что при мысли о том, что он меня купает, я густо покраснела и стала похожа на зрелый помидор. Вздохнув, я скинула халат и залезла в душевую кабину, где с наслаждением отмокала минут двадцать. После чего, отжав волосы полотенцем, снова завернулась в халат, плотно завязала пояс и засунула трусы в кармашек. Постираю потом, когда до бабушки доберусь.

Дом не-маньяка Елисея оказался выполнен из стекла, камня и металла. Это был один из тех роскошных загородных домов, которые раньше я видела только на картинках. Внутри явно поработал дизайнер интерьера, а снаружи — ландшафтный. Это я поняла, глядя через огромные стеклянные окна на раскинувшуюся за ними красоту, пока спускалась по лестнице на первый этаж. Который больше напоминал поле для гольфа, чем холл, сразу переходящий в гостиную.

— Сюда! — донесся голос Елисея, и я пошла на него.

Впрочем, если бы не голос, я бы и так нашла: по всему дому тянуло выпечкой, ароматной, свежей, с ванилью. Заглянув в просторную кухню, я обнаружила своего нового знакомого, занимающегося раскладыванием панкейков по тарелкам. К оладьям по-американски прилагались всякие соусы, свежая малина и черешня, а еще на столе стоял графин с апельсиновым соком.

— Свежевыжатый любишь? — спросил мужчина.

— Я... м... — Кто же не любит свежесжатый сок? Но я все равно не понимала, что происходит. В моей картине мира незнакомые мужчины не привозят тебя в роскошные дома после того, как ты расколотила стекло их внедорожника. Скорее, покрывают матом и выставляют счета. — Ты точно не маньяк?

Брови Елисея поползли вверх.

— В смысле, все это очень и очень странно. Сначала ты достал меня из кювета, теперь вот кормишь завтраком.

— То есть по твоему мнению, я должен был тебя бросить? В кювете? Посреди ночи? Интересные у тебя представления о мужчинах, Василиса.

Я нахмурилась, потому что представления о мужчинах у меня были самые правильные, реалистичные. Но продолжать не стала.

— Спасибо, что не бросил, — буркнула я и села на высокий барный стул.

— На здоровье. Бекон будешь? — Он налил мне сока и кивнул на плиту.

— Нет, я не ем мясо.

— А-а-а-а, ты из этих?

— Из кого из этих? — мигом подобралась я.

— Ну, из тех, кто поливает шубы краской?

— Я просто не ем мясо, — ограничилась коротким комментарием, стараясь не вдаваться в тему.

Потому что так можно до чего-то неприятного догово-

риться, а мы еще не разобрались с разбитым задним стеклом. Хотя, справедливости ради, это он окатил меня водой с головы до ног, потом напугал до смерти. А теперь вот... а теперь вот завтраком кормит.

Который, кстати, оказался очень вкусным. Яичница-глазунья просто таяла во рту, яйца оказались деревенскими, не магазинными. Оладьи были нежные, воздушные и пышные, а соусы — на основе сливок и кленовый сироп, совершенно не приторными. В сочетании со свежими ягодами было просто объеденье, и это вышло настолько по-летнему уютно, что я почти забыла, где нахожусь, когда почувствовала на себе пристальный мужской взгляд. Подняла глаза, и...

— Ты миленькая, когда камнями не кидаешься.

Я поперхнулась соком и закашлялась.

— Ты окатил меня грязью и назвал курицей, — заметила я, когда снова смогла дышать. — Если это был комплимент, то крайне неудачный!

— Ты про курицу, или про то, что ты миленькая?

Интересно, если я кину в него черешней, это будет еще один пункт в копилку моей неадекватности? Однозначно, потому что с Валерой мне никогда не хотелось кидаться черешней. Стоило вспомнить про бывшего, я тут же скисла, как забытое на солнце молоко.

— Мне надо идти, — сказала я. — Где мои вещи?

— Да там же, где и вчера были, в твоей тарантайке.

— Не называй мою машину тарантайкой!

— Развалюха?

Я глубоко вздохнула и мысленно досчитала до десяти.

Моя машинка, вся заляпанная грязью и глубоко несчастная, стояла в огромном гараже рядом с его большим внедорожником.

— Она никуда не поедет без ремонта, — сообщил Елисей, пока я бегала вокруг нее кругами, чтобы забрать сумку с вещами и достать мобильный.

То, что жучок никуда не поедет, я и так поняла, но что мне с ним делать? Не оставлять же тут.

— Его отремонтируют, и вернут тебе. В целости и сохранности, — я ждала, пока Елисей потребует с меня денег на ремонт, но вместо этого он спросил: — Ты что делаешь?

— Вызываю такси.

— Серьезно?

Да, такси по области — не самое дешевое удовольствие и ждать его можно часа два, но мне же надо как-то добраться до бабушки!

— Мне нужно в Лузянки, — сказала я. — Так что если у тебя нет ковра-самолета...

— У меня есть джип-езденец, сойдет? Садись, красавица, прокачу с ветерком! Потому что кто-то разбил стекло, не знаешь, кто бы это мог быть?

Елисей смотрел на меня, и в глазах его искрило веселье. Даже поразительно, что такой суровый мужик умеет так веселиться! Хотя почему бы и не повеселиться за счет других?

— Я не злопамятный, я просто злой, и у меня память хорошая? — парировала я.

Подхватила сумку и ушла обратно в дом, переодеваться. Поскольку вчерашняя одежда пришла в негодность, я надела легкий сарафан, белый, в черешенку. Расчесала уже почти просохшие волосы, почистила зубы и спустилась вниз. Джип уже стоял на подъездной дорожке, и я села на заднее сиденье раньше, чем Елисей успел открыть мне переднюю дверцу.

— Я тебе что, водитель? Полезай на переднее!

— И не подумаю. Это самое безопасное место.

— Сказала та, кто вчера заглохла на корявой дороге посреди ночи. Ты сама водишь, забыла?

— Поэтому и доверяю только себе.

Елисей собирался что-то ответить, но потом передумал. Сел за руль и громыхнул дверцей так, что у него лобовое стекло только чудом не высыпалось на дорожку. После чего мы вырулили за ворота и проехали сначала через коттеджный поселок, а потом выехали на трассу.

Зато я поняла, где располагается его дом, коттеджный поселок «Озеро Мечты», о котором говорили все в нашем городе, да и в области, пожалуй, тоже. Здесь были очень дорогие дома с очень красивыми видами, стоимость недвижимости в этих местах просто зашкаливала. Располагался он буквально в двадцати минутах езды от Лузянок, которые, кстати сказать, тоже славились своими местами и видами. Проектом «Озера» очень вдохновились многие застройщики и

кое-кто хотел отжать землю у жителей деревни по дешевке. К счастью, Лузянки держались. На честном слове и упорстве бабушкиных односельчан.

Пока я думала обо всем этом, мы приехали.

— Мне сюда! — сказала я, когда Елисей чуть было не проскочил бабушкин терем.

Он остановился, сдал назад и присвистнул:

— Я думал, это местный краеведческий музей.

Я фыркнула и толкнула дверцу, снова опередив его. А мне навстречу уже спешила бабушка:

— Вы посмотрите-ка, городские до нас добрались! — приветствие было вполне в ее духе, а потом она переключилась на Елисея: — Ненаглядного своего привезла наконец-то? Я уж думала, помру, не дождусь!

Глава 3. Ложный Валерий

Я не успела и рта раскрыть, как Елисей с улыбкой шагнул навстречу бабуле:

— Рад с вами познакомиться!

— Валентина Аркадьевна.

— Очень приятно!

Я схватила губами воздух, намереваясь возразить на его наглую и неуместную ложь, но этот бугай уже обнял меня за талию!

— Бабуль, он...

— Счастлив наконец-то увидеть ваш прекрасный дом, о котором ты столько рассказывала. Он выглядит великолепно, и резьба просто потрясающая!

— Его строил и украшал мой супруг, — с теплотой отозвалась бабушка, и мне захотелось то ли долбануть Елисея, то ли взмолиться, чтобы он с такой же искренностью сказал ещё несколько комплиментов, столь важных для бабушки.

Я уже сомневалась, стоит ли говорить ей правду, или продолжать делать вид, будто мы с новым знакомым действительно пара? Но ведь рано или поздно обман будет раскрыт! Да и бабуля ничем не заслужила этот розыгрыш...

— Знаешь, мне сейчас не до шуток! — с излишней резкостью сказала я, и Елисей, будь он неладен, отозвался участ-

ЛИВО:

— Не переживай, с твоей машиной все будет в порядке. Просто Василиса решила приехать своим ходом, — деловым тоном сообщил он бабушке, — срезала по короткому пути — и застряла у развилки.

— Бабуль, со мной все хорошо! — поспешно сказала я и сердито ткнула мужчину в бок, едва не сломав о его мышцы палец. — Просто погода разгулялась, и дороги развезло...

— Ой, и не говори! Всё обещают тот участок отремонтировать, а воз и ныне там. Ну, вы проходите скорее! У меня и чай с травами готов, и плюшки...

Она с улыбкой поспешила к лестнице, а я прошипела мужчине:

— Руку убери, будь так добр! Что ты творишь?!

— Выручаю тебя. Твой ненаглядный-то, судя по всему, слился?

— Не твоё дело!

— Не моё, — с улыбкой кивнул он. — Но я сегодня добрый, а потому не захотел расстраивать твою бабушку. Иногда маленькая ложь лучше правды.

— Правда всегда предпочтительнее! — хмуро отозвалась я, всё ещё пытаясь незаметно стряхнуть его руку.

— Ну, тогда поведай мне, где твой Принц Чарминг?

— Ещё чего!

— Проходите скорее! — между тем сказала бабушка. — У меня тут суетно немного — Глафира с Тигром сегодня то

и дело ссорятся.

Если Елисей и удивился тому, что на ковре посреди гостиной сидела огромная белая курица, похожая на лохматое облако, виду он не подал. Правда, увидев неподалеку такого же огромного и лохматого полосатого кота, он всё-таки хмыкнул.

— Какие... красивые.

— Ой, — бабушка махнула рукой, — все нервы мне вымотали! Глашка-то птенчиком была, когда я её забрала из курятника домой для лечения, и вот, привыкла тут — то на диване, то на ковре, а этот бандит всю деревню в страхе держит, и здесь свои порядки пытается устанавливать. Ещё и Бенья сегодня так выл, что у меня аж сердце прихватило...

— Бенья — это собака, — уточнила я для Елисея. — Почти овчарка.

— Люблю овчарок, — улыбнулся Елисей. — А вы кур держите?

— Конечно! У меня знаете, сколько пород красивых? И Маран, и Кохинхин, и Билефельдер! Куры, между прочим, смелые и дружные птицы. В прошлом году к нам сунулся сокол, одну прихватил, так петух его с другими курами чуть без глаз не оставили. — Она уютно поправила расшитую салфетку на столе. — Присаживайтесь. Или ты, зайка, хочешь сначала вещи отнести наверх?

— Да, бабуль.

— Я отнесу, — тотчас вмешался Елисей. — Покажи, куда.

Какой заботливый попался! Я едва успела стереть с лица удивленное выражение.

— Идем.

Бабушка тихонько хмыкнула нам вслед. Я чувствовала: Елисей, ей понравился, но это только больше меня расстроило. Я вдруг представила здесь своего бывшего жениха — такого педантичного, лощеного, всегда вежливого, но действующего будто бы механически... И почему прежде, до гадостной измены, я не замечала, какой он притворщик? Валера с пренебрежением относился к людям, которые были на него не похожи — например, предпочитали жить в тишине деревни, а не строить карьеру. Может, он и с Ягой поэтому замутил?..

Я рванула на себя знакомую деревянную дверь, и мы оказались в просторной и светлой комнате, которая считалась моей. Это была так называемая «малая» спальня, где всегда стояла большая двуспальная кровать, укрытая пестрым лоскутным одеялом, тяжеленный комод и не менее массивный сундук — старинное наследие прапрабабушки. В детстве я его даже боялась немного, думая, что внутри прячется монстр, но потом полюбила, сидя с бабушкой бок о бок, доставать из сундука и перебирать разные сокровища: расшитые полотенца, льняные рубашки, дореволюционные книги, резные шкатулочки, украшения и ленточки...

Елисей поставил мои вещи и привалился плечом к косяку.
— Сердишься?

Я вскинула на него глаза: на красивом лице не было ни улыбки, ни издевки.

— Можно я не буду откровенничать? Настроение не то, и мы едва знакомы.

— Ты из-за него сюда сбежала? — продолжил мужчина.
— Что он сделал — нагрубил, не вспомнил про круглую дату, надрался?

— Не твое дело, — как можно сдержанней отозвалась я.

— Не мое, — признал он. — Но любопытно. Хотя, настаивать не буду.

— Спасибо.

Я подошла к окну, глядя на зеленеющие вдалеке поля, и услышала за спиной шаги подошедшего Елисея.

— Мы должны рассказать все бабушке, пока не поздно. Я никогда ее не обманывала. Ну, может, всего раз, когда мы с девчонками пошли на дальнее озеро и заблудились.

— Ты и сейчас блуждаешь, Василиса. В своих мыслях и чувствах.

— И?

— Давай побродим вместе — вдвоем же интересней.

Я подняла брови.

— И откуда такой интерес?

— Понравилась ты мне, — отозвался он серьезно, хотя в глазах искрился смех.

— Мне не до шуток! — хмуро сказала я, хотя, глядя на мужчину, хотелось улыбнуться. — У меня проблем своих

выше крыши! К тому же, я упрямая, требовательная и злопамятная. Мне сейчас не нужны новые отношения.

— А как же бабушка? Я ей понравился, — сказал он с тем же отзвуком смеха в голосе. — Я видел, там у вас доски на крыльце в одном месте треснули — могу помочь, заменить на новые.

— Это замечательно, что ты такой заботливый, — не удержалась я, — но что-то эта ситуация не внушает доверия! Думаю, нам надо поставить точку сейчас, Елисей. Спасибо, что ты принес меня к себе, спасибо за машину... и прости за стекло, я за него заплачу... Если ты извинишься за то, что окатил меня дерьмом с ног до головы.

Он хмыкнул.

— Извини. Этого в планах не было. Ты слилась с окружающим ландшафтом.

Я все-таки не удержалась и фыркнула.

— Как в местной легенде про лесного призрака?

— Понятия не имею, о чем ты, хотя вот про деревенскую ведьму слышал.

— Лисонька, Валера! — донеслось снизу, и мне снова стало совестно перед бабушкой, но Елисей уже тянул за собой, а хватка у него была крепкая.

Может, и не стоило пока сопротивляться? Я решила, что разрешу ему в этот день заменить горе-жениха, а дальше будь что будет. Не могло же, в самом деле, стать еще хуже? По крайней мере, не прямо сейчас...

Бабуля уже наливала нам душистый чай в красивые белые чашечки с изображением шиповника. Сколько себя помню, аромат этих цветов всегда окутывал сад, и я любила смотреть, как кружатся у кустов жирные бархатные шмели. А вот ос и шершней я боялась — в детстве полосатая гадость ужалила меня в локоть, и едва не загремела в больницу с отеком Квинке.

Бабушка заваливала Елисея вопросами, и он держался молодцом. Опасаться ему было нечего: и красавец, и обеспеченный, и вежливый! Всем бы такого жениха! Внутри меня росло раздражение, а тут еще телефон зазвонил — это был настоящий Валера.

— Прошу прощения.

Я вышла на воздух и нарочно отошла подальше от дома.

— Что тебе нужно?

— Василис, привет... только не бросай сразу трубку!

— У тебя одна минута, — с отвращением сказала я. — Просто потому, что мне любопытно, как ты будешь оправдываться!

— Все не так, как тебе показалось... То есть, все не так страшно!

— Ни фиги себе! — вырвалось у меня. — Куда уж страшнее, Валер!

— Я не хотел, чтобы тебя уволили! — выпалил он.

— И потому ублажал начальницу? — вспыхнула я. — Чтобы я могла сохранить место? Зря старался, получается?

— Я правда тебя люблю. Екатерина — временный этап, у нас с ней ничего серьезного! Мы пару раз всего встречались, так, баловство...

— А мое увольнение? Это шутка какая-то?

— Нет, но разве найти работу для тебя проблема? Ну и потом, мужчине нужно больше секса, чем женщине. Это нормально.

Боже, неужели этого человека я могла полюбить? Где была моя разумность и женская интуиция? Он говорил шаблонные, заученные фразы, и в голосе не было ни сочувствия, ни раскаянья! Его послушать, так это я виновата в его же измене: не уделяла ему достаточно внимания, не удовлетворяла его потребности!

Ярость прошла по телу жаркой волной.

— Какое же ты ничтожество! — выплюнула я. — Не звони мне больше никогда, придурок!

Сбросив звонок, я заблокировала его номер. Подумать только, он считал, что я недостаточно вкладываюсь в отношения! А ведь я всегда, когда он у меня оставался, старалась что-то особенное приготовить, устроить уютный ужин при свечах, затем набрать ванну с пеной, сделать ему массаж... И сам Валера красиво ухаживал за мной, но, глядя на все трезвым взглядом, я осознала: за подарки он постоянно ждал похвалы и одобрения. Дорогие рестораны, красивые букеты, сертификаты — все это было ширмой его фальшивой натуры, ведь чем дальше, тем больше он жаждал получать вза-

мен. И проявлялось это во всем, в близости в том числе. А уж если я, не дай боже, сваливалась с простудой, он быстро сбегал к себе домой, объясняя это тем, что не хочет меня беспокоить...

Еще он на дух не переносил деревенский быт, даже в таком уютном доме, как наш. Валера любил шутить, что в жизни бы не взялся за плотничество или, например, уборку хлеба, и я действительно не могла представить его за этой работой. Сколько раз пыталась уговорить показаться бабушке — отнекивался, отшучивался, придумывал кучу причин, почему не может поехать. И дело было не только в его привязанности к городским удобствам (в Лузянках был и водопровод с артезианской водой, и электричество, и газ), а в непонимании того, как для меня это важно. Я сама при первой возможности познакомилась с его родителями, не особо им понравилась, но отнеслась к этому спокойно. Он же считал знакомство с моей семьей чем-то совершенно необязательным...

— Ну, твоя бабушка же придет на свадьбу! — говорил он и делал невинные глаза.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. И ведь были же тревожные звоночки, было недопонимание, недовольство, о которых я молчала. Зачем, спрашивается? Чтобы его не обидеть?

Никаких слез! Даже хорошо, что правда вскрылась, и я не вышла замуж за такого человека. Представляю, какая семейная жизнь у нас бы получилась! Я хотела было вернуться

в дом, но заметила проезжающую вдалеке черную машину, которая внезапно остановилась на холме, откуда было хорошо видно наш дом и участок.

Почему автомобиль стоял там так долго? Видом любовались? Такие джипы с затемненными стеклами доверия не внушали. Я даже выпустила из вольера Беню, и, пока сражалась с радующимся псом, поставившим лапы мне на плечи, машины уже и след простыл.

Елисей чувствовал себя как дома, и меня это подбешивало. Даже Беня воспринял его появление как должное, хотя перед этим, конечно, внимательно обнюхал.

— Бабуль, а что за танк по деревне рассекает?

— А, — махнула рукой она, — так, нежить местная. Кощеев, делец из города, метит на место нашего председателя, Пал Юрьевича.

Мне вдруг стало смешно. Ну надо же, как всё совпало! Василиса Премудрая (хотя, наверное, больше Презлющая или Печальная) — есть, королевич Елисей — есть, баба Яга, пусть и в городе осталась, имеется, а теперь ещё Кощеев! Кому расскажешь — не поверят.

— У вас с ним проблемы? — нахмурился Елисей. — Чего он хочет?

— Лузянки он хочет, — хмуро сказала бабушка. — А получит — во! — и показала смачную фигу.

Я сердито фыркнула.

— Ещё чуть — и почувствую себя героиней фильма.

— Ага, — подхватила бабушка. — Сейчас кликну дядь Кирилла, соседа нашего. У него вроде пушка была. Правда, тепловая, для рассады... Зато ружье настоящее.

— Бабуль, — я накрыла ладонью ее руку, — насколько все плохо?

— Да все нормально, — рассмеялась она. — Справимся! Чуть что — и дела наши станут достоянием этих ваших интернетов, а огласки эти, на танках, всегда боятся.

Я видела, что Елисей хочет возразить, но он промолчал, и это был удобный момент, чтобы вежливо выпроводить мужчину, сославшись на усталость. Бабушка, конечно, вручила ему плюшки, варенье и свежие ягоды, а я мысленно поблагодарила лже-жениха за то, с каким теплом он принял ее подарки.

— Хороший, — сказала она, махая вслед отъезжающему мужчине. — Вот только не Валера ни разу.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

— В смысле?..

— Лисонька, я же видела фотографии. Да, у них похожий типаж, но у этого глаза как крепкий чай и волосы гуще да чернее... и Валера не такой заросший.

— Да, так и есть. Прости, бабуль! — Я обняла ее. — За это глупое представление! Не хотела тебя расстраивать. Просто Валера, он... — Я все-таки шмыгнула носом.

— Что произошло? — спросила она, мягко поглаживая мои плечи. — Что он натворил? Расскажешь?

Мне стало так печально и ласково внутри от ее голоса, так хорошо, что могу с кем-то поделиться!

Мы вернулись на кухню, и долго сидели бок о бок, пока я делилась всем, что наболело. Дом тихонько дышал, слушая мой рассказ, и ветер, подхватывающий и опускающий кружевные занавески, приносил ароматы сада. Кот в позе сфинкса дремал у меня на коленях, и его размеренное тихое урчание порой подхватывала своим скрипучим кудахтаньем белая курица, пушистым облаком замершая на диване.

Глава 4. Трое из ларца и мухоморная настойка

После нашего откровенного разговора я спала как убитая, а проснулась от голоса бабушки, которая ругалась где-то снаружи. Судя по всему, петух опять повыдергивал курицам перья на спине — такое часто слушалось, когда самцы «топтали» самок.

— ...И теперь ходят с проплешинами! — доносилось издалека. — Клава, мочи нет, где эти твои наспинники, фартуки, плащи... или как их там?

— Дошиваю!

— Давай, сколько есть, пока у меня ещё остались целые клуши. Этот, прости Господи, озабоченный, им покою не даёт...

— Да не болеют — и хорошо! Ты им витамины давала? Мне Славик червей накопал после дождя — жирных таких, сочных!

— В лесу?

— Там, у рогатого пня. Ну, где поганок много.

— Сходить, что ли, тоже?

Мне нравилось просыпаться с открытым окном и слушать деревенские разговоры. У бабушки были замечательные соседи: боевой дядя Кирилл, живший один, и Клавдия Анто-

новна с Вячеславом Олеговичем — прекрасная пожилая пара, державшая грозу всех Лузянок — быка Дормидонта. Появился он у них неожиданно: когда хозяйство неподалёку захирело, Дорика хотели отправить на убой, но по просьбе Клавдии Антоновны продали им.

Бык был не холощенный, он покрывал местных коров для приплода, а семейство Марганцовых получало с этого прибыль. Правда, Вячеслав Олегович еще и умудрялся на Дорике пахать, хотя характер у быка был прескверный. Местные боялись его, и я, видя издалека эту тушу, вполне разделяла страх окружающих.

— Лисонька, ты проснулась?

— Да, бабуль. — Я потянулась и сладко зевнула. — Скоро спущусь.

В деревне подолгу в постели не валялись, но бабуля, конечно, не стала будить меня спозаранку. Часы показывали девять: самое время приступать к делам. События вчерашнего дня поблекли, хотя я то и дело вспоминала улыбку Елисея, сажающегося в джип с гостинцами в руках. У меня ведь даже его телефона не было! Как я заберу машину, чем платить за ремонт? Конечно, кое-какие накопления у меня были, но хватит ли их?

Я умылась и оделась в удобные старые джинсы и голубую свободную рубашку. Подумав, заплела волосы в косу, а сверху нацепила кепку.

— Доброе утро, солнышко, — улыбнулась бабуля. — Я

сделала омлет, хлеб и масло свежие, Лариса принесла. Помнишь ее, она молочкой занимается?

— Да. У нее очень вкусный домашний сыр.

— Угу. Вот у меня все яйца покупают, у Алешиных — ягоды. А баба Стеша грибы продает.

— Та самая Степанида Ивановна? — отозвалась я, делая себе растворимый кофе. — Ведунья?

— Она. Не поверишь: до сих пор все сама, резвая, еще и нас лечит!

Про заговоры и настойки местной ведьмы я знала всегда, но ни разу с ней лично не встречалась, только видела изда- лека, как сухая, небольшого роста женщина с длинными бе- лыми косами уходит в лес или возвращается из него. Ей бы- ло уже больше девяноста лет, жила она одна, и уважали ее не меньше председателя. Ходили слухи, что она помимо трав и грибов еще и порчу наслать могла, но наказывала только плохих людей. В действенность всех перечисленных спосо- бов мне верилось с трудом, хотя женщину эту я немного по- баивалась.

За завтраком я просмотрела вакансии и отправила в два места свое резюме, а потом надела выданный бабушкой фар- тук, вооружилась мотыгой и отправилась в огород — бороть- ся с сорняками. Особенно противными были колючие, рас- топыренные. Их можно было выдрать только в перчатках.

— Или взять огнемёт, — пробормотала я. — Бабуль, а вот эта штуковина опасна?

По моей перчатке карабкался здоровенный паук с белой жопкой, и бабушка рассмеялась.

— Брось его куда-нибудь... Вон, в ящерицу!

А ведь я и забыла, сколько милой живности здесь обитало! Это была не квартира с редкими сенокосцами, комарами и мухами, здесь можно было встретить кое-что пострашнее. В итоге при виде шершня я сбежала на кухню, а оттуда по совету бабушки отправилась прогуляться в сельский магазин — прямо в рабочей одежде, разве что без фартука и перчаток.

— Купи себе мороженое, — улыбнулась она. — У нас пломбир хороший привозят.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Ты не пойдешь?

— Полежу минут двадцать, набегалась, пока куриц ловила. Вернешься — познакомлю тебя с ними. И с козой, кстати, тоже.

— Что же не позвала? Я бы мигом их похватила и нарядила!

Бабушка рассмеялась.

— Они к тебе не привыкли. Удирали бы как от лисы, еще дольше бы гоняться пришлось. Это Глашка домашняя, ее и обнимать, и гладить можно.

Белая курица и правда была смешной: приходила за лаской сама, располагалась на коленях, смешно квокая, и балдела до тех пор, пока Тигр не прогонял ее, пихая лапой. Он тоже хотел, чтобы его гладили, и особенно сильно ревновал

Глашу к бабушке. Что касается Бени, он любил всех, и на соседей лаял для проформы.

Я купила себе мороженое и решила прогуляться к ближайшему озеру — самому маленькому в округе. Кое-где после дождя было трудно пройти и не запачкаться. Преимущественно в Лузянках жили пожилые люди, хотя попадались и молодые ребята, и дети.

Места здесь были прекрасные: холмы в цветах и травах, светлые березовые и ольховые рощи, озера и прудики, и густой смешанный лес, где водились кабаны, зайцы и лисы. Говорили, что в глубине чащи обитали и волки, но местных они не беспокоили. А вот лисы, бывало, наведывались, и почти всегда это заканчивалось печально именно для птиц. Помнится, дядя Кирилл даже устраивал ночную охоту, но так вредительницу и не поймал, а кур она передушила с десятков.

На отмели у кувшинок плескались ребятишки, и вместе с ними резвилась мелкая рыжая собачка. Валера любил мелкопородных собак, мы даже хотели завести той-пуделя или йорка... Хорошо, что не решились. Сейчас бы пришлось делить собаку, и для нее это точно был бы стресс.

Сердце охватила печаль. А была ли любовь? Или я выдумала ее, потому что боялась одиночества? Я доверяла Валере. Мне казалось, что он тоже мне доверяет. У нас было так много хороших дней, пусть бывали и плохие, когда мы ссорились из-за пустяков, но кто через это не проходил? Конфликтные ситуации случались повсеместно, и на работе то-

же, когда среди заказчиков попадались те еще душнилы...

Я резко встала с пенька, на котором сидела: к озеру приближались явно не местные мужики — что называется, трое из ларца, одинаковых с лица. Все коротко стриженные, в темных очках, с квадратными челюстями. В своих черных костюмах и начищенных ботинках они выглядели так же чужеродно, как Мерседес на грязной проселочной дороге.

Детей с берега как ветром сдуло, но я убежать не собиралась. Из унылого настроение стало боевым.

— Вы Василиса Моргунова?

— А кто спрашивает? — также без приветствия отозвалась я, крепко сжимая палочку от эскимо.

Жаль, что это было мое единственное и абсолютно бесполезное средство защиты, здесь бы больше подошел какой-нибудь устрашающего вида дрын или перцовый баллончик на худой конец...

— Мы говорили с вашей бабушкой на этой неделе. По поводу находящегося в ее собственности земельного участка, который хотели бы приобрести за хорошие деньги. Дело в том, что мы планируем активно участвовать в развитии деревни...

Я вскинула руку с палочкой — со стороны наверняка выглядело так, словно собираюсь произнести непростительное заклятие.

— Вы хотите отнять у людей их землю. Причем здесь развитие? Думаю, нам не о чем говорить, и к моей бабушке

больше не приходите!

— Госпожа Моргунова, не надо геройствовать, — поморщился один из мужиков.

— Я и не начинала пока что. Мы просто беседуем, но, очевидно, вам ближе язык силы.

— А вот это верно, — медленно усмехнулся мужчина. — И лучше бы вы сейчас согласились.

— Иначе? — вздернула подбородок я, стараясь выглядеть волевой и бесстрашной.

— Будут проблемы, — отозвался он спокойно. — У вашей бабушки в первую очередь.

Обычно импульсивные поступки ничем хорошим не обоглачивались, хотя, в случае с Елисеем вроде пронесло... Вот только теперь это был не улыбчивый сосед, готовый накормить оладьями незнакомку. Агенту Смити и его копиям явно не понравилось, когда я сократила дистанцию, приняла боевую стойку и громко, отчетливо послала бандитов на три буквы.

Матом я ругалась редко, в тех случаях, когда по-другому люди не понимали. Сейчас — не помогло, и бугай небрежным тычком в плечо отшвырнул меня обратно к пню.

— Дура ты, девка, — процедил он. — Так боссу и передам.

— А я обращусь в следственный комитет! — пискнула я, понимая, что дело принимает нехороший оборот. — К вашему сведению, у меня включен диктофон, и наша беседа

записывается!

Мужики переглянулись, дальний вдруг потянулся к карману... Нет, они не были одинаковыми. Это мне со страху показалось. На самом деле, один был лысый.

— Василиска Валентиновна, ты, что ли?

Я резко обернулась: со стороны леса к нашей компании шествовала седовласая осанистая женщина в старом, расшитом гладью платье, и с корзиной, заполненной мухоморами. Глаза у нее были черными, пытливыми и внимательными, в сухих морщинистых руках чувствовалась странная сила.

— М...

— Малой тебя помню, — сказала женщина, не обращая внимания на мужиков. — И как ушко тебе лечила. Пойдём, поможешь. У меня там ещё лукошко опят на поляне.

Это была деревенская ведьма, Степанида, которую уважал и за глаза боялся каждый. Она вела себя величественно, удивительно расслабленно, словно была негласной хозяйкой не только Лузянок — самой природной красоты вокруг. Или, что еще важнее, ее хранительницей.

— Идите, — кивнула она мужикам. — А главарю скажите, что я с ним на днях потолкую по-своему.

И почему они послушались? Почему я сама ее слушалась? Может, не зря говорили про способность некоторых людей к гипнозу? Правда, от ведуньи исходило и нечто притягательное, древнее и таинственное. Так чувствуешь себя, когда идешь по ночному лесу к поляне у родника, и над тво-

ей головой начинают кружиться светляки, а на старой коряге загораются зеленые гнилушки, и сосны покачиваются, как мачты, словно сами себя баюкают...

Я взяла тяжеленькое лукошко, и мы пошли по тропинке в сторону деревни.

— Степанида Ивановна, эти люди и к вам приходили?

— Они уже месяц здесь шастают, — отозвалась женщина.

— Да толку не будет.

— Потому что никто им не хочет землю продавать?

Она пронзительно глянула на меня из-под тонких изогнутых бровей — белых, как снег.

— Кого-то, может, и взяли угрозами, вот только главный их противник не люди.

— А кто?

Она посмотрела на меня как на школьницу, отвечающую невпопад у доски.

— Грибы любишь?

— Не эти, — с улыбкой кивнула я на мухоморы, и женщина вдруг улыбнулась в ответ.

— Малой ты была бойкая. Вижу, и теперь за себя постоять можешь. Не бойся этих людей.

— Честно говоря, я думаю, что бояться нужно. Вы не знаете, в полицию уже обращались?

— А зачем? Куплено у них все. Знают, кому на лапу давать. Часть леса южнее хотят убрать, здесь все сравнять с землей планируют, и озера наши заодно осушат. «Элитный

дом отдыха» собираются ставить, для своих, особенных, гостей.

— А как же кладбище?

— Вот и думай, как, — отозвалась она уже другим голосом, и мне на мгновение стало по-настоящему жутко. — Мертвых беспокоить — иное. Мертвые с тобой договариваться не будут. Не понимают те черные куда лезут. Тут, деточка, и не всякий деревенский поймет.

— О чем вы? О том самом противнике?

Она кивнула.

— Много лет я здесь живу, и многое остается неизменно, но тот, далекий мир, из которого пришли они и ты сама, он меняется стремительно. Осознать важно каждому: не все перемены на пользу пойдут. Нельзя трогать такие места, как это. Их беречь нужно, что дом свой, что семью свою. Я потому и мальцов всегда ругаю, коли мусорят или лес беспокоят.

Я слушала ее как замороженная. Вот так и начинаешь верить в колдовство! Ее голос будто переливался, слова звучали древней песней, в которой не все понимаешь, но оторваться не можешь.

— Не всем по нраву правила эти, — продолжила она. — Но у леса свои законы, а он тут сотни лет стоит. Знает: все мы в земле лежать будем да до небес потянемся.

— Отчасти я понимаю, о чем вы, — осторожно кивнула я. — Но против этих людей вряд ли помогут только старые методы... Думаю, дело надо будет предать огласке в интерне-

те, если они продолжают угрожать нам. В борьбе за собственность все средства хороши.

— Интернетами занимайся сама, — отозвалась женщина. — Собери вон молодежь побойчее — и к председателю сходи. Может, толк будет, хотя, думается, и ему уже в карман сунули.

Мы некоторое время шли молча, и я чувствовала себя как во сне. Особенно когда повернула вслед за женщиной к ее дому — небольшому, бревенчатому, с зеленоватыми резными наличниками на окнах. Он был старым, но не выглядел развалиной, и яркие подсолнухи добавляли уюта, хотя внутрь я все же заходить опасалась.

— Ну, вот. Пойдем, там, на веранде, поставишь. Спасибо. Эти корзинки мне внучка сплела.

— У вас она одна? — спросила я, чтобы скрыть неловкость: внутри дома никаких жутковатых атрибутов не было в помине.

— Нет, двое. И внук. Приезжают раз в год, в конце лета обычно, и правнуков привозят. Им тут раздолье.

Кухня на застекленной веранде была прелестной: почти вся мебель из натурального дерева, частично окрашенная в голубой и белый, белые льняные занавески, сухоцветы в глиняных вазах и пучки трав и грибов под потолком. Ни запущенности, ни бродящих по углам пауков. И телевизор, накрытый кружевной салфеточкой.

— Не работает, — перехватив мой взгляд, сказала жен-

щина. — Внук всякий раз, когда приезжает, чинит, а он через неделю опять ломается. Вот и пойми эту технику!

— Сюда поставить?

— Да. Ты подожди, я тебе кое-что дам.

Я немного успокоилась, хотя сердце слегка подрагивало. В детстве мы все хотели попасть в этот дом, но глядели на него издалека. Да и Степанида вроде была угрюмей раньше... Наверное, в ее случае, старость запустила обратный процесс: с женщиной было приятно общаться.

— Вот, — сказала она, вручая мне бутылочку, в которой плавали подозрительные пятнистые шляпки. — На мухоморах.

— Я такое не пью, — отозвалась я с нервным смешком.

— И не вздумай принимать внутрь! — отозвалась она. — Это для растирания, чтобы суставы не болели. Бабушке твоей пригодится, или жениху, ежели перетрудится. А это вот из груш моих, сладкий. — Она дала еще бутылку с компотом, а на шею повесила нить с разными видами грибов. — Ты захаживай, не стесняйся.

— Спасибо вам! — улыбнулась я. — Была рада поговорить! Если узнаю что-то про тех людей от председателя — я вам сообщу.

— Приходи, — с улыбкой кивнула она. — Лучше после семи, вечером. Телефон у меня старый, слышно плохо, так бы и номер тебе дала.

Мы простились на крыльце, где у ног женщины стал вить-

ся пухлый рыжий кот. Это меня окончательно успокоило: животные не тянулись к плохим людям. Мне не терпелось рассказать бабушке обо всем, что произошло, и было смешно думать, как я выгляжу со стороны в старой одежде, с грибным ожерельем, и с двумя бутылками в руках. Особенно колоритной была та, где плескались мухоморы.

Я уже повернула к нашему участку, когда сзади посигналили, и пришлось сойти на обочину.

— Привет, невеста! — сказал знакомый веселый голос. — Я так понимаю, на обед у нас будут грибы?

Глава 5. Простые деревенские радости

Елисей

Девушку на разбитой дороге Елисей просто не заметил. Гнал, погруженный в свои мысли, разве что краем зрения выхватил крохотную машину, которую еще и объезжать пришлось. Аварийники не были включены, такие детали водитель видит автоматически, даже не концентрируясь, вот и...

Получилось так, как получилось.

А потом ему в стекло прилетел камень, и, когда он вышел из машины, увидел как от него улепетывает белобрысое нечто: на такой скорости, будто самого черта увидела.

— Стой, курица! — это было первое, что пришло ему в голову. Хотя вообще-то ругаться на женщин — последнее дело, не говоря уже обо всем остальном. Просто после того, что с ним случилось, видимо, собственные принципы слегка пошатнулись. Ну или нервы. Елисей хотел думать, что первое, это проще лечится.

Вечером он хотел сделать Ане сюрприз. Сегодня он должен был работать допоздна, но захотелось выкроить для нее время. «Лучше в субботу и воскресенье поработаю», — решил Елисей. Работы всегда будет много, а любимая девушка

одна, к тому же, через неделю у них должна была состояться поездка в Эмираты, и он купил ей подарок, карту в бутик-салон дорогих купальников. Какой идиот едет в Эмираты летом? Вероятно, тот же, который едет делать своей девушке сюрприз вечером в пятницу. Потому что Аня очень настаивала на этой поездке, и, несмотря на тот адский жаркий треш, который их там ждал, он согласился.

Как выяснилось, Аня хотела туда именно потому, что туда командировали «Димочку». «Димочка» смешно прыгал по квартире в одних трусах, пытаясь натянуть штаны. По квартире, которую для Ани, между прочим, снимал Елисей, потому что «Взрослая девушка не должна жить с родителями, да?».

— Димочка! Дима! Елисей, стой! — верещала Аня, когда он шагнул к этому горе-любовнику, чтобы разобраться.

Но Дима удирал так быстро, что не стал даже дожидаться лифта в новостройке, буквально выпал в лестничный пролет с полустянутыми штанами и футболкой в зубах, и что-то там загромыхало.

Потом были Анины слезы, обещание, что это больше не повторится, а, когда она поняла, что все кончено, посыпались претензии в стиле «Да тебя никогда не было рядом», «Можно подумать, деньги решают все», «Я тебя вообще бросить собиралась в Дубае».

Словом, вот так весело прошел пятничный вечер, и закончился он... тоже весело. Но еще веселее было доставать

белокурую вандалку из кювета, в который та свалилась. Не просто свалилась, тюкнулась головой обо что-то и потеряла сознание.

К счастью, друг у Елисея работал в неотложке, а сам он проходил курсы оказания первой помощи и отлично разбирался в симптомах экстренных состояний. Девушке повезло, она всего лишь набила небольшую шишку, которую снял компресс со льдом, и даже не заработала сотрясение, что подтвердилось утром.

После вчерашнего утром Елисей ожидал увидеть злючую хамку, но Василиса оказалась совершенно другой. Отдельная песня — это ее имя, конечно, он в свое время хлебнул веселья в школе за изобретательность родителей. Особенно учитывая, что фамилия у него была Щукин.

Кем он только не был, и Щукиным сыном, и «Елисей, а ты желания исполняешь двадцать четыре на семь, или только по выходным?», и женихом, который «ей сыскался» согласно сказке Пушкина. К счастью, Елисей очень любил физкультуру, и «Елисей, а ты желания исполняешь двадцать четыре на семь, или только по выходным?» — в средней и старшей школе осталось только в кокетливом стиле и только у девчонок, которые к нему хотели подкатить.

А вот Василиса... у девочек все сложнее, им в принципе сложнее защищаться. Эту самую Василису почему-то отчаянно хотелось защищать, и когда она сидела на его кухне с мокрыми волосами, и когда вышла к машине в своем сара-

фане с вишенками и уселась на заднее сиденье. Елисей сам не мог понять, откуда взялось это иррациональное желание, но вот взялось, и он ничего не мог с этим поделать. Поэтому ближе к обеду в воскресенье, вместо того чтобы ехать домой, он завернул в Лузянки.

Вечером ехать не вариант, встанешь в пробку, в которой пожалеешь, что на свет родился, но это не проблема. В конце концов, в город можно и завтра утром добраться, главное — встать пораньше. Всю субботу и большую часть воскресенья он работал, чтобы не думать об Ане, но думалось почему-то вопреки всякой логике о Василисе.

И вот, пожалуйста, она собственной персоной — идет вся такая летняя. На шее грибы, в руках бутылки, одна с мухоморами, другая с чем-то еще. С ума сойти!

— Привет, невеста! Я так понимаю, на обед у нас будут грибы?

— Тебя рассекретили, — фыркнула Василиса. — Бабушка сразу поняла, что никакой ты не Валера.

— Какая мудрая у тебя бабушка. — Елисей припарковал машину чуть подальше, чтобы не мешать, если кто-то еще поедет — хотя кто тут поедет? — А я с подарками.

На заднем сиденье лежали ягодные пироги, которые испекла Елена, приходящая домработница. Каким-то стопятидесятым чувством Елисей понял, что в этот дом можно приходить только с такими подарками. Ну или с цветами, ничего другого Валентина Аркадьевна не примет. Так уж устроены

люди того времени.

— Что есть то есть, — Василиса с любопытством посмотрела на завернутые в бумагу пироги. — Ого! Ты еще и пироги печешь?

— Как бы ни хотелось присвоить себе чужие лавры, это не я. У меня все-таки есть домработница.

— Да я даже не сомневалась, что есть.

— А у тебя что за зелья?

— С мухоморами-то? Это от навязчивых поклонников.

— Одной рюмки хватит? — поинтересовался Елисей. — Или всю бутылку надо выпить, чтобы поклонника не стало?

Василиса закусила губу, но потом все-таки расхохоталась. Смех у нее был тоже невероятно приятный. Искренний. А в конце она еще и забавно хрюкнула.

— Думаю, будет достаточно одного глотка, но вряд ли кто-то в здравом уме решиться принимать это внутрь. Хотя... — Она многозначительно улыбнулась. — Некоторые местные мужики, наверное, пытались.

Елисей знал, что в каждой деревне есть алкоголики и дебоширы, но из всех виденных им подобных мест Лузянки выглядели наиболее опрятно. Если среди местных и были прожигатели жизни, днем они вели себя тихо. По крайней мере, они с Василисой не встретили ни одного хама — только любопытных, которые здоровались и пристально его изучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.